БЛАГОГОВѢЙНЫЙ
ЗРИТЕЛЬ ПРИРОДЫ.

Часть II.

ПОЛУДЕННЫЯ

РАЗМЫШЛЕНІЯ.

ПОЛУДЕННЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

I.

Полуденная Прогулка.

Теперь Солнце среди своего теченія, теплота его проницаетъ землю, и производитъ сильное біеніе въ сердцѣ моемъ. Я иду успокоиться подъ тѣнію сей рощицы. Козій листъ и жасминъ составляютъ прелестную бесѣдку, которая еще сохраняетъ утреннюю свѣжесть и драгоцѣнныя капли нѣжной росы. Прохладныя и благорастворенныя пріосѣненія! пріимите мою благодарность. Ваше любезное вліяніе проницаетъ мои ослабѣвающіе члены; нервы мои, разслаблен-

ные отъ чрезмѣрнаго жара, получаютъ крѣпость свою, и живость съ большею быстротою обращается во всѣхъ частяхъ моего тѣла.

Возлегши на мшистое ложе, и наслаждаясь благоуханіями, выжимаемыми мною изъ цвѣтовъ угнѣтаемыхъ, я возвышаю мысли свои къ самому Божеству. Такимъ образомъ *Августинъ* и его благочестивая мать, созерцая красоту Природы, были объяты неизъяснимымъ восторгомъ. Тогда души ихъ, упоенныя чистѣйшею радостію, по видимому на нѣсколько минутъ забыли, что они соединены были съ земными и смертными тѣлами.

Когда буря волнуетъ Океанъ; когда жалобные стоны наполняютъ воздухъ и волны; когда пѣнящіяся зыби играютъ печальными ос-

шанками кораблекрушенія: тогда какое блаженство покоится на брегу моря! Когда стремительный потокЪ, низпровергая оплоты, удерживающіе его, устремляется вЪ долины, увлекаетЪ вЪ теченіи своемЪ древа, стада и грозитЪ разрушеніемЪ хижинѢ земледѢльца: тогда какЪ весело быть на вершинѢ горы, и ничего не чувствовать, кромѢ сострананія, возбуждаемаго отдаленнымЪ видомЪ нещастія другихЪ! Таково точно настоящее мое положеніе. Солнце вЪ полномЪ сіяніи на самой высотѢ атмосферы. ЧрезЪ жаркой воздухЪ переливаются ко мнѢ огненные лучи его; земля, отЪ жара его разверзаяся, представляетЪ зрѣнію моему страшныя пропасти; дороги покрыты пыльными облаками; жегомый путешественникЪ, останавливая истомленнаго коня своего, ищетЪ вЪ

густой дубровѣ хладнаго убѣжища; земледѣлецъ, орошенный потомъ, бросая серпъ и косу, оставляетъ трудъ свой; скотъ, задыхающійся отъ полуденнаго зноя, спѣшитъ къ чистому источнику; внутренность каменной горы разкалившись, изливаетъ огненныя лавы все страждетъ отъ пламеннаго свѣтила, — между тѣмъ я среди сей рощицы, куда солнце изливаетъ слабый свѣтъ, я, погруженный въ тихое размышленіе, наслаждаюсь пріятной прохладой.

Какою наслаждаются и многіе, мнѣ подобные, безопасностію подъ крыліями *Всемогущаго!* Пусть тлетворный моръ и смерть, распространяясь по земной поверхности, изливаютъ ядъ во всякую жизненную чувственность, — на всѣхъ людей, скотовъ и пернатыхъ; но мы подъ рукой Всещедраго без-

опасны. Пусть *Богохуленіе* и *нечестіе*, вреднѣйшія всякой смертоносной заразы повѣтрія, пусть дышутъ въ сердцахъ, окружающихъ насъ сыновъ погибѣльныхъ; но естьли насъ назираетъ *Верховное Существо*, то душа наша вѣчно будетъ непорочна, и мы по самую смерть не поколеблемся во благочестіи.

О *Всесильный Владыко!* въ тотъ послѣдній день, когда завѣса тверди небесной начнетъ расторгаться; когда Вседержительная десница Твоя, остановя солнце въ теченіи своемъ, сокрушитъ зданіе вселенныя; когда милліоны умершихъ явятся предъ трономъ Твоимъ, и когда жребій оправданія и осужденія будетъ зависѣть отъ единаго слова устъ Твоихъ; тогда естьли Ты признаешь насъ чадами своими, — мы безъ страха,

спокойнымъ окомъ будемъ смотрѣть на потрясенія разрушающейся природы, и конецъ вселенной благословляя, возвеличимъ имя Твое немолчно.

Но отъ событія вѣчности я паки возвращаюсь къ настоящему времени. — *Здѣсь вижу я пчелъ*, презирающихъ жаръ солнечный и похищающихъ у цвѣтовъ сокровище, скрываемое въ развертывающихся ихъ головкахъ. Сіи искусные Химики, которымъ *Природа* открыла рѣдкую тайну обогащаться, не приводя въ убожество другихъ, и которыхъ она научила извлекать пріятный бальсамъ изъ благоухающихъ растеній, не причиняя вреда сущности ихъ, къ высокимъ размышленіямъ возбуждаютъ умъ мой. Ихъ то я хочу взять себѣ въ примѣръ. Оставимъ вѣтреную бабочку, махающую

гордыми своими крыльями безъ благонамѣренной цѣли, и предающуюся пустымъ затѣямъ непостоянства и своеволія; оставимъ угрюмаго *паука*, посредствомъ труда своего подъ конецъ пріуготовляющагося къ гибельной лѣности: будемъ подражать трудолюбивой *пчелѣ*, которая изъ самыхъ ядовитыхъ растеній умѣетъ извлекать сладкій медъ. О когда бы сіи размышленія занимали душу мою непрестанно! Соберемъ съ цвѣтовъ сихъ, соберемъ отвлеченія полезныя для добродѣтели. Будучи окруженъ сими драгоцѣнными предметами, и ничего не имѣя въ рукахъ своихъ кромѣ древеснаго листочка, или простаго цвѣтка, я возвращусь въ домъ свой гораздо богатѣе, нежели когда бы я неправедно принесъ Индѣйскіе алмазы и другія сокровища. Могу ли

я и тогда забыть плѣняющіе меня предметы, когда лазурная завѣса, закрывающая сводъ царства вѣчнаго, преобразится въ мракъ и не допуститъ меня болѣе проникать ко трону Вседержителя.

Боже! все, чему мы ни удивляемся во вселенной, для того сотворено, дабы возвышать мысли наши ко святилищу Твоему, — даже до Тебя Самого: но нѣтъ ни языка, ни кисти, которыя моглибъ выразить и описать чудеса, въ Тебѣ заключающіяся; нѣтъ столь обширнаго воображенія, которое бы могло объять вся благая, уготованная Тобою любящимъ тя и покланяющимся Тебѣ. Ахъ! когда, когда я вниду, или, сказать смиренномудренно, когда допущенъ буду въ небесныя жилища, дабы наслаждаться присудствіемъ и благодѣяніями Существа Великаго, Милосердаго!

II.

Трудолюбіе, земледѣліе, воспитаніе и дѣйствія ихъ.

Какая живая картина щастливыхъ дѣйствій *трудолюбія*! Плѣнительной садъ сей безъ воздѣлыванія былъ бы ужасная пустыня, покрытая колючимъ терніемъ; будучи неприступнымъ для человѣка, онъ былъ бы ужаснымъ вертепомъ зміевъ и нечистыхъ гадовъ. А теперь кирка и рѣзецъ, управляемые рукою трудолюбія содѣлали его новымъ Едемомъ.

Воспитаніе то же есть для сердца, что воздѣлываніе для земли. Неблаговоспитанное сердце, не получившее сѣмяни *добродѣтели*, есть засохшее древо лѣниваго дѣлателя. Предавшись наклонностямъ развращенной воли, оно будетъ вѣчнымъ игралищемъ страстей и заблужденія. *Гнѣвъ*, подобно тер-

новому кустарнику, характеръ его сдѣлаетъ колкимъ, нравъ дикимъ. *Скупость* научитъ руки его похищать, сердце не чувствовать обиды. *Мщеніе*, разливаясь во внутренности его, подобно заразительному яду, заставитъ мыслить единственно о погибѣли ближнихъ. Необузданная *роскошь* и испорченное воображеніе, утопая въ сладострастныхъ неистовствахъ, доведутъ его до гибѣли. Се плоды дикой природы, и души отвергшей исправленіе своихъ склонностей!

Но юность, чувствительная къ впечатлѣніямъ *добродѣтели*, и рукою мудрости препровождаемая ко благу, подобна прекрасному саду, доставляющему особенное утѣшеніе своему вертоградарю. Веселыя и спокойныя мысли въ ней обитаютъ непрестанно; *страсти*, могущія поколебать тишину ея, изъ

сердца съ корнемъ исторгнуты. Любовь чистая, подражаемая любовь все представляетъ ей пріятнымъ; надежда при самыхъ огорченіяхъ разливаетъ лучи удовольствія. Всѣ частныя и общественныя добродѣтели украшаютъ внутренность ея и наружность. Всѣ чувствованія сердца ея дышатъ невинностію и благородствомъ. Благообразованный воспитанникъ продолжаетъ теченіе жизни своей съ плодомъ и славою.

О вы! попеченію которыхъ препоручили отцы всю свою надежду! Взирайте чаще на виноградъ сей; примѣчая трудолюбіе неусыпнаго садовника, послѣдуйте его нѣжному и доброму намѣренію. Поутру онъ посѣщаетъ младыя свои растенія, въ полдни прикрываетъ отъ жара солнечнаго слабыя растенія, ввечеру новыя прилагаетъ

о нихъ заботы. Естьли Небо не оросило ихъ обильнымъ дождеизлiянiемъ: онъ самъ окропляетъ ихъ чистою и прохладною водою; естьли опасается стужи и вихрей грозныя тучи, самъ прикрываетъ ихъ. Посмотрите на радость и надежду, блистающiя на челѣ его при обозрѣнiи нѣжнаго отпрыска; онъ, алчнымъ окомъ назирая приращенiе его, не успокоевается дотолѣ, пока созрѣлый плодъ не вознаградитъ труды его.

Трудолюбiе! тебѣ свойственнѣе принадлежатъ олтари, возвышаемые гордому честолюбiю. Десница твоя изливаетъ изобилiе и благоденствiе во вселенной, а славолюбiе нерѣдко потрясаетъ и истребляетъ оныя. Ты дѣлаешь землю цвѣтущею и плодоносною; а то покрываетъ ее ужасными дебрями и развалинами. Жалко, что не всѣ

равно чувствуютъ и уважаютъ преимущественныя твои выгоды!

III.

Подсолнечникъ.

Осматривая пространныя границы поля и сада, чувствую, что прiятныя рѣдкости вездѣ привлекаютъ обвороженное око мое. Гордой *подсолнечникъ* возвышается на подобiе башни, и какъ проницательный Монархъ, кругообращается въ обширности цвѣтника, примѣчая чинъ и порядокъ. Златая корона его привлекаетъ вниманiе, цвѣтъ плѣняетъ очи нещастныхъ.

Но какая *симпатическая* сила безпрестанно обращаетъ его къ свѣтилу дня? Онъ, по видимому сопутствуетъ ему въ теченiи его; и — во время вечера, когда блѣдныя

тѣни опускаютъ мрачную завѣсу ночи, сей любимецъ солнца наклоняетъ изнемогающую свою головку, закрываетъ нѣжное чело свое, и во всю ночь, воздыхая, ожидаетъ возвращенія его. Едва солнце покажется, онъ паки обращаетъ къ востоку улыбающіяся свои листвія и вѣтви; когда жаркое свѣтило царствуетъ на блистательномъ тронѣ полудня, подсолнечникъ не стыдится взирать на оное лицемъ въ лице.

Будемъ подражать цвѣтку сему, подобно обращая очи наши къ Богу; да будемъ всегда водимы десницею Провиденія, какъ управляется *подсолнечникъ* притяжательнымъ вліяніемъ дневнаго свѣтила. Сохраняя повелѣнная свято, не устыдимся и мы, егда узримъ невещественное Солнце правды, узримъ лицемъ къ лицу, якоже есть.

IV.

Чувствительное растеніе.

Могу ли я забыть тебя, *нѣжное растеніе*! Стыдъ твой любезенъ, подобно цѣломудрію юной и робкой дѣвы. Ты скромныя прелести свои скрываешь подъ покрываломъ зелени, какъ дѣва красоту свою сохраняетъ стыдливостію. Ты по видимому одарено милою чувствительностію существъ одушевленныхъ. На тебя я смотрю, какъ на звѣно всеобщей цѣпи, связующее царство животныхъ съ царствомъ прозябающихъ. Наблюдая движеніе твое, опытомъ увѣрился, сколько ты *чувствительно*. Испытатели рѣдкостей! протяните руку свою, дабы къ нему прикоснуться; протяните, и — едва оное тронете; оно, какъ бы чего испужавшись, мгновенно сожметъ фибры свои: такъ скромная

дѣва, опасающаяся насилія, укрывается отъ руки, приводящей ее въ нечаянный безпорядокъ. Оно по видимому страшится, чтобы тонкость нѣжной ткани его не осквернилась прикосновеніемъ нечистымъ, и потому избѣгая неблагопристойсти, всегда безопасно.

Оставимъ между тайнами Творца причину сего чудеснаго явленія; оставимъ, выводя изъ того нѣкоторое самимъ себѣ нравоученіе. Ни что не обезпечиваетъ насъ противу нападеній соблазновъ. Постараемся избѣгать самаго малѣйшаго беззаконія, бодрствуя всегда въ лонѣ добродѣтели. Закроемъ свое сердце, оградимъ свои чувства отъ первыхъ впечатлѣній *порока*. Отторгнемъ отъ него душу нашу столь же скоро, какъ отстраняется рука отъ пламени, когда онъ ее коснется, съ такимъ же постоян-

ствомъ, съ какимъ *чувствительное растеніе* не терпитъ прикосновеній нашихъ.

V.

Скоротечность времяни и разточительное употребленіе онаго.

Ведренный день скоро окончится, красные часы пролетятъ неприметно, и — се некоторые изъ нихъ, представъ предъ Верховнымъ Судіею, отдаютъ ему верный отчетъ въ делахъ человеческихъ. Небесная десница огненными буквами начертываетъ свидетельства ихъ въ книге жизни, которая для возвещенія оправданія, или осужденія откроется предъ нами въ последній день; откроется непременно. Щастливы смертные, елико жили, то-

толико возвышавшиеся въ добродѣтели! Щастливы всѣ, кои не знали инаго измѣренія времяни, кромѣ постепеннаго совершенства въ премудрости!

Быстръ полетъ дней нашихъ, стремительно теченіе часовъ! Не такъ скоро бѣжитъ въ поляхъ Марсовыхъ конь, гонимый колкими шпорами; не такъ скоро плыветъ по волнамъ корабль, сильно надуваемый въ парусы благопріятнымъ вѣтромъ; не такъ паритъ въ воздухѣ играющій орелъ, схвативъ свою добычу, и укрываясь за облака, оставляющія подъ собою вихри и бури, — не такъ, какъ скоро проходитъ стремительное время.

Сколь краткимъ представляется день, когда онъ уже оканчивается; какъ умалилось то обширное пространство, которое по разгоряченному воображенію моему не

имѣло границъ и мѣры въ забавахъ, въ надеждахъ и лестныхъ намѣреніяхъ! Мгновенно сіи разнообразныя прелести исчезаютъ, лишь только прикоснется къ нимъ рука хладнаго и нещастнаго опыта. Огнь прихотей моихъ уменшился, мечта исчезла, вѣчность представляется устрашеннымъ моимъ взорамъ, и — я сознаюсь, что непостоянное и развратное состояніе существа ограниченнаго, существа смертнаго, хотябъ было очень продолжительно, въ точности не что иное есть, какъ мучительная химера.

О вы узники сладострастія, проводящіе дни и ночи въ очарованіяхъ изобилія и роскоши! Не довѣряя мечтаніямъ своей юности, спросите у кого нибудь себя старшихъ, спросите мудрецовъ истинныхъ, какъ они прожили цѣлые

годы посредѣ суетъ міра? Каждой изъ нихъ, потрясая убѣленною своею главою, пронзительнымъ тономъ не иное что, какъ сіе скажетъ: „Восемдесятъ лѣтъ протек„ли, не оставивъ по себѣ ничего, „кромѣ сухихъ морщинъ на челѣ, „и желтовидной сѣдины на выѣ „моей. Прошедшее время для не„искусившейся юности покажется „продолжительнымъ и великимъ, „но въ глазахъ дряхлаго старца „его какъ бы не было. Ему кажет„ся, что онъ какъ бы вчера толь„ко промѣнялъ забавы юности на „заботы мужества. Ахъ! какъ „мало растояніе, между гробомъ „и колыбелью находящееся!....„ Повѣримъ сему свидѣтельству опытной старости. Побережемъ время, похищающее у насъ жизнь и спокойствіе, дороже всякаго сокровища. Примѣтимъ, съ какою

скоростію челнокъ въ рукахъ ткача переходитъ взадъ и впередъ на станѣ и наполняетъ основу полотна Се изображеніе скорости, съ какою смертнымъ свойственно сновать ткань добродѣтельныя жизни!

VI.

Выгоды уединенія; Вездѣприсутствіе Божіе.

Продолжительной и знойной день уступилъ мѣсто усладительной прохладѣ вечера. Новая по видимому зелень покрываетъ землю, засохшія растенія оживаютъ, поблекшіе цвѣты гордятся блистательными красотами своими. Они окружность свою наполняютъ пріятнѣйшимъ благовоніемъ. Воздухъ получаетъ новую свѣжесть, упру-

гость его имѣетъ большую дѣятельность. Онъ, проницая члены нашего тѣла, сообщаетъ *еластическую* силу легкому и способствуетъ скорѣйшему обращенію крови въ жилахъ нашихъ. Продолжительный жаръ изсушилъ бы сіи росныя перлы, блистающія на челѣ розы; они отъ притяжанія лучей солнечныхъ поднялись бы на воздухъ въ непримѣтныхъ испареніяхъ; тихое дуновеніе вѣтровъ развѣяло бы пары сіи прежде, нежели они могли соединиться: но, будучи благопріятствуемы тишиною прохладной ночи, они источаютъ уже нѣжную влажность, оживляющую растенія, такъ какъ питательная пища подкрѣпляетъ истощенныя наши силы.

Кроткое уединеніе! какое удовольствіе ты доставляешъ чувствительному человѣку! Міръ есть

разъяренный океанъ. Кто можетъ изобразить безпрестанно перемѣняющуюся картину колеблющихся его волнъ? Міръ есть школа обмановъ; кто можетъ избѣгнуть опасныхъ его обольщеній? — Въ семъ жилищѣ неустройства, правила Священной *истины*, начертанныя Всесильною рукою на сердцахъ нашихъ, крайне помрачаются, естьли не стараются о ихъ совершенствѣ. Часто развращеніе, соединившись съ врожденнымъ поврежденіемъ, заглушаетъ гласъ чистыя совѣсти, и совѣты ея, совѣты мудрыя толкуетъ погрѣшительнымъ образомъ въ худую сторону.

Здѣсь въ *уединеніи* обитаютъ міръ и безопасность. Молчаніе не допускаетъ до себя стрѣлы злословія и язвительныя слухи опаснаго обращенія. Множество пус-

тыхъ вздоровъ, безпокоющихъ насъ среди шумныхъ забавъ, въ густотѣ сихъ тѣней разсыпаются и исчезаютъ. Здѣсь я, спокойно обращаясь съ собственнымъ сердцемъ, могу научаться *познавать самого себя.* Здѣсь душѣ моей, развлеченной отъ домашнихъ безпокойствъ, тишина доставляетъ неоцѣненный отдыхъ. Здѣсь не вижу я соблазнительныхъ примѣровъ, — страсти мнѣ порабощенны; и такъ я признаю себя самодержавнымъ обладателемъ не короны и скипетра, — а моего сердца, — самого себя. Узники славолюбія! выдумывайте обороты, ухищряйтесь въ томъ сколько хотите, дабы предвосхитить у достойныхъ надлежащую почесть! Ваши низкія удовольствія никогда меня не тронутъ; я обѣщаюсь вѣрнымъ быть моему уединенію.

вѣ сихѣ мѣстахѣ тихихѣ и скромныхѣ, сколько совокупленныхѣ прелестей для философствующаго духа! Сколько пріятностей для сердца, любящаго добродѣтель и истину!

Но — подлинно ли я здѣсь одинѣ? Не окруженѣ ли какими друзьями? Можетѣ быть крылатые служители Божіи, можетѣ быть невидимые безплотные Духи, радущіеся о обращеніи единаго грѣшника и назирающіе пути праведнаго, сопутствуютѣ щастливому пустыннику вѣ пріятныхѣ его прогулкахѣ, и способствуютѣ вѣ радости и спокойствіи проводить безцѣнные часы моея жизни; можетѣ быть. . . . и подлинно, можно ли одному мнѣ размышлять столь живо и усладительно? Непремѣнно есть, есть какой нибудь свидѣтель внутреннихѣ моихѣ дви-

женій и чувствій; а вѣроятно, не Богъ ли самъ здѣсь *присудствуетъ* со мною? Пусть я его не постигаю очами моими, но онъ непреложно меня видитъ.

Блаженъ смертный, всюду ощущающій *присудствіе Божіе*! Естьли окружаютъ его опасности, онъ видитъ Десницу, сохраняющую его; скука и огорченіе не смѣютъ прикоснуться къ сердцу его; ибо Онъ никогда не бываетъ *одинъ*, а непрестанно съ *Утѣшителемъ*. Призванъ ли онъ къ прохожденію трудовъ изнурительныхъ и тяжкихъ, — изнемогая почитаетъ себя сильнымъ, полагаясь на содѣйствіе Промыслителя. Страсти развлекаютъ благородную душу, выгоды уменшаютъ цѣну заслугъ; — онъ, не желая по сему заботы и труды свои открывать предъ человѣки, жертвуетъ ими въ уединеніи Отцу

Небесному, — Отцу, которой, видя добродѣтель въ тайнѣ, вознаграждаетъ оную явѣ. Чувствуетъ Боголюбецъ необходимыя нужды, прибѣгаетъ къ Благости, изливающей щедроты своя на безблагодатныя и злыя; прибѣгаетъ съ несомнѣнною надеждою, и его ожиданія исполняются, Пусть всѣ уничиженнаго пустынника забыли и оставили, но онъ не одинъ; цѣлой свѣтъ съ нимъ, когда Богъ неотлученъ. Какое блаженство обращаться созданію съ Божествомъ Вездѣсущимъ!

VII.

Величіе Божіе и ничтожество человѣка.

О *великое* и непостижимое Божество! когда я дерзаю возвести

рабское око мое къ святилищу Твоему, и когда сравниваю при семъ, сколько я *малъ* предъ Тобою и *ничтоженъ*; страхъ поражаетъ чувства мои, духъ содрогаяся смиряется. Желалъ бы постигнуть образъ *Создателя* моего, свойства воплощенной *Истинны*; желалъ бы, но огнь воображенія моего, быстрота и тонкость мыслей, пламенѣющее желаніе души моей,— сей части Богоподобной, не могутъ представить мнѣ ни малѣйшаго понятія о точномъ *Величіи* Безконечнаго. Непроницаемая завѣса скрываетъ отъ очей моихъ не самый тронъ, виденный Исаіемъ, но подножіе *Ветхаго деньми*. Да и можно ли предѣльному созданію вмѣстить въ предѣлахъ ума своего совершенства, необъемлемыя понятіемъ безплотныхъ? Человѣкъ, обитающій во вселенной среди без-

численныхЪ тварей пресмыкается по поверхности земной яко самомалѣйшій изЪ атомовЪ атомЪ; что вЪ рукахЪ, и то едва онЪ понимаетЪ, что же для него БогЪ? Смирись! говорю я часто вЪ глубинѣ моего сердца, смирись персть и прахЪ предЪ существомЪ высочайшимЪ; бытіе твое всего ничтожнѣе, дѣянія тщета. Одна *любовь*, царствующая вЪ душѣ отрожденной, удобна обЪять и соединиться сЪ БогомЪ.

VIII.

Красота небесъ; тлѣніе міра; вѣчность.

Между тѣмЪ, какЪ я, размышляя о *величіи Божіемъ*, научаюсь познавать свое *ничтожество*, воображаю, что есть земля со всемЪ

своимъ пышнымъ тщеславіемъ, что цѣлый *міръ* со всѣми своими богатыми перемѣнами, естьли я ихъ сравню съ плѣнительнымъ зрѣлищемъ *небесъ*; Что? . . . Точка едва едва примѣтная во вселенной. Естьли бы погасли огненныя лучи солнца; естьли бы уничтожились нѣкоторыя звѣзды, освящающія насъ нощію: око однимъ взглядомъ объемлющее небесную Атмосферу не примѣтило бы сего урона такъ, какъ потери одной малѣйшей песчинки въ глубинѣ морской. Чтожь въ сравненіи съ урономъ симъ потеря тлѣнныхъ имуществъ? Пространство, занимаемое помянутыми свѣтилами, столь мало предъ цѣлымъ свѣтомъ, что отсутствіе ихъ не содѣлало бы никакого недостатка въ неизмѣримыхъ твореніяхъ *Всемогущаго*. А когда весь шаръ земной, вся обширная связь

свѣта есть одна только Имперія; то что есть градъ? Что суть всѣ владѣнія богатыхъ?

Орелъ въ быстромъ полетѣ своемъ оставляетъ за собою облака и бури. Когда онъ стремительно возлетаетъ, такъ сказать, дышать огнемъ солнца; тогда не смотритъ на насѣкомыя, въ воздухѣ летающія, и не безпокоится, отрясая прахъ, прилипшій къ ногамъ его: таково должно быть равнодушіе Христіанина, умственно воскриляющагося ко славѣ Творца своего! Когда я проникаю въ *вѣчность*; чувствованія моего сердца возвышаются, желанія дѣлаются благородными, суетный жаръ къ ненадежнымъ сокровищамъ тлѣнія погасаетъ. Какая жалость, что страсти мои, ослѣпивъ меня столь долго, пригвождали къ очарованіямъ суетности! Но теперь здравыя

мысли сокрушаютъ тяжкія оковы сіи. Надежда отверзаетъ мнѣ врата *Вѣчности*; сердце мое, восхищаемое пріобрѣтеніемъ благихъ въ тверди небесной забывая презираетъ, и презирая забываетъ всѣ мечты вещей гиблемыхъ.

Смертный! разсмотри подробнѣе чудеса сіи. Чувствуя, чѣмъ ты обладаешь, и чего еще ожидаешь по упованію, пади предъ Владыкою вселенныя; пади и возгласи: „Боже! теперь я вижу небе„са, но когда либо надѣюсь уз„рѣть лучи неприступныя Твоея „славы; теперь благодаренію мо„ему внемлетъ природа, но послѣ „свидѣтелями онаго будутъ Анге„ли. Сколь великъ человѣкъ, удо„стоивающійся особенныхъ Твоихъ „попеченій!!

IX.

Искупленіе.

Низшелъ Ангелъ міра; Онъ принесъ въ десницѣ Своей оливную вѣтвь, — знакъ нашего примиренія; принесъ, — мы пролили слезы радости, искреннее благодареніе излилось изъ сердецъ нашихъ. Да подлинно ли сіе былъ Ангелъ, или просто чистая голубица, по выпущеніи изъ ковчега возвратившаяся къ Ною съ залогомъ мира? Безцѣнны сіи посредники, а паче самое дѣйствіе. Но когда вмѣсто Ангела Вѣчный посылаетъ возлюбленнаго Сына Своего, дабы совершить благодатное наше обновленіе; когда Сынъ сей, истое начертаніе славы Отчей, подвергается мученію и смерти; когда грядетъ не владычествовать надъ князями міра, но быть рабомъ: то гдѣ мы

найдемъ залогъ сразмѣрной благодѣяніямъ Его любви и благодарности?

Естьли бы Божественные *Пророки* не предувѣдомили насъ о семъ Спасительномъ произшествіи: то милости неслыханныя, непостижимыя, благость изліянная на насъ безъ заслугъ нашихъ могли бы поколебать вѣру нашу. Твердь лучезарная есть зеркало, представляющее мнѣ въ живомъ видѣ храмъ *Искупленія*, — а омраченная напоминаетъ ужасное состояніе виновнаго человѣка.

X.

Могущество Божіе.

Кто сотворилъ всяческая въ мірѣ? Богъ восхотѣлъ, — все исполнилось. Чего не можетъ содѣлать Всесильная премудрость для блаженства

чадъ своихъ? Естьли различныя бѣдствія отягощаютъ главу нашу; вздохнемъ предъ Сердцевѣдцемъ, и Онъ силенъ утѣшить насъ во всякой скорби и печали. Естьли нужды наши столь же безчисленны, какъ звѣзды блистающія надъ главами нашими; откроемъ ихъ Тому, Кто болѣе о насъ печется, нежели матерь о чадѣхъ, и Онъ можетъ удовлетворить имъ. Естьли искушеніе подвергаетъ душу нашу опасности, нещастіе влечетъ въ уныніе, обмачивыя прелести обѣщаютъ гибѣль: прибѣгнемъ ко *Всемогущему*; нѣтъ бѣдствія, отъ котораго бы Онъ не могъ освободить насъ.

Сколь ужасно отчаяніе беззаконнаго! Самонадѣяніемъ онъ вооружаетъ противъ себя наказаніе Небесное. Дерзновенныя твари! можемъ ли мы противиться Верховнѣйшему Правителю? Можемъ ли

перенесть тяжесть гнѣва Его? Гдѣ найдетъ себѣ убѣжище виновный червь; когда *Вѣчный*, держа въ десницѣ Своей пламенникъ, принудитъ его явиться на неумолимое правосудіе. Поработившіеся нечестію и порокамъ! воззрите на сію строгую Руку, которая пишетъ на стѣнѣ страшное опредѣленіе жизни Валтазаровой; приклоните предъ Нею въ смиреніи главу свою; страшитесь ее всѣ, забывающіе милости Создателя своего, и дерзающіе противиться всемогуществу Его. Страшитесь, — но смертные все еще согрѣшаютъ.

Боже! я не могу постигнуть границы долготерпѣнія Твоего! Милосердіе Твое столь же велико, какъ и Могущество: ибо сколько ни раздражаетъ Тебя нечестивый, Ты оставляя ему жизнь, сообщаешь еще средства и побужденія ко исправ-

ленію. Естьли бы я отважился не мечь обнажить, а одно слово произнесть съ презрѣніемъ противъ земнаго Монарха; ни чѣмъ бы не могъ загладить преступленія своего: но Ты, коего я каждую минуту жестоко оскорбляю неистовою жизнію моею, Безсмертный и Невидимый Царь! Ты, противъ коего самое дыханіе мое изрыгаетъ многочисленныя хуленія, Ты меня, сохраняя, милуешь; вмѣсто пораженія громомъ, взываешь: *сыне даждь ми сердце Твое*, Всемогущая благость! открой очи мои, чтобъ я всегда видѣлъ упущенія свои. Гнѣвъ и судъ Твой потрясаютъ душу мою; но Ты пригвозди къ себѣ сердце мое узами настоящія любви и благотворенія. Пусть Ты судьбу мою отдалъ въ волю мою; пусть Ты позволилъ каждому изъ насъ начертывать и избирать

путь къ блаженству; но я съ покорностію возвращая Тебѣ даръ сей, вѣрю, что благость Твоя, естьли и противныя склонностямъ моимъ изберешъ средства ко оправданію моему, они будутъ для меня гораздо полезнѣе, нежели зазорныя движенія чувствъ моихъ и необузданной воли.

XI.

Благость Божія.

Взирая на небеса, я ничего тамъ не вижу, кромѣ знаменитаго хаоса и нестройной смѣси горящихъ шаровъ, разсѣянныхъ, кажется, по случаю: но что намъ представляется смѣшеніемъ, то есть самой лучшій порядокъ; и что мы почитаемъ дѣйствіемъ случая, то есть дѣйствіе самыхъ извѣстныхъ

и высочайшихъ причинъ. Циркуль не проводилъ своего погрѣшительнаго остроконечія по симъ огненнымъ шарамъ. Око Всемогущаго измѣрило ихъ; самая правильная соразмѣрность примѣтна въ строеніи ихъ.

Иногда то запечатлѣнно знакомъ добра, что намъ представляется зломъ. Отеческая любовь извлекаетъ изъ всего высочайшія блага. Естьли Іосифъ похищенъ изъ нѣжныхъ объятій отца своего; естьли Богъ ввергнулъ его въ рабство въ землѣ чуждой: то для того, чтобъ все поколѣніе его спасти отъ жестокаго глада. Отъ изнеможенія пришедшій въ упадокъ и отчаяніе возвышается иногда на самый верхъ благоденствія и славы. Мрачныя стѣны заточенія посредствомъ недовѣдомыхъ дѣйствій Провидѣнія послужили для многихъ основаніемъ трона. Не-

дальновидный смертный! ороси лице твое слезами, да вознесутся воздыханія твои къ престолу Невидимаго, и среди нещастій твоихъ да будутъ слышны гимны удивленія и благодарности.

Не осмѣлимся никогда обвинять Божество въ слѣпотѣ и неправосудіи. Будемъ обожать въ благоговѣйномъ молчаніи то, чего мы понять не можемъ. Пусть виситъ надъ главами нашими роковый мечь; забудемъ, естьли можно, что онъ виситъ наниткѣ. Среди лабиринта непредвидимыхъ причинъ и дѣйствій распоряжаемыхъ десницею Вѣчнаго утвердимъ щастіе наше на покореніи промыслу. Не позавидуемъ жребію управляемыхъ низкою корыстью, не позавидуемъ богатству, находящемуся въ рукахъ порока. Пусть непорочная бѣдность приближитъ

насъ къ стопамъ праведнаго Бога; не будемъ изыскивать, для чего невинность воздыхаетъ въ глубинѣ мрачныя темницы, между тѣмъ какъ порокъ облеченъ одеждою чести и уваженія. День мщеній, день вѣчнаго воздаянія откроетъ намъ тайну Судіи и жертвы.

Но сколь ясно Духъ Божества изображенъ на одушевленномъ мірѣ! хладное вещество, неимѣющее чувствованія, слѣдуетъ простому движенію, которое ему сообщено. Оно покаряется непремѣняемымъ и единообразнымъ законамъ, между тѣмъ, какъ безчисленныя существа, живущія въ лонѣ Отчи и обладающія дыханіемъ жизни изъ дѣйствій своихъ извлекаютъ неизъяснимыя утѣхи. Изъ сего слѣдуетъ, что *благость Божія* излила на природу человѣческую особенныя щедроты благоденствіе и радость,

положивъ нѣжную связь между дѣйствіями своими и ихъ чувствованіями. Тысяча твореній находятъ жизнь и изобиліе во глубинѣ водъ. Сухая земля вмѣщаетъ въ нѣдрахъ своихъ безконечное множество живопныхъ. Воздушная жидкость, наполняющая небесный сводъ, непрестанно колеблется отъ быстраго движенія пернатыхъ. Нѣтъ ни одного древеснаго листочка, которой бы не питалъ многихъ существъ, наслаждающихся удовольствіемъ жизни и ежегодныхъ перерожденій. Такъ-то множество одушевленныхъ твореній, летающихъ въ воздухѣ, пресмыкающихся по землѣ и плавающихъ въ водахъ по благости Творца чувствуютъ сладкое упоеніе, называемое блаженствомъ; чувствуютъ при каждомъ дыханіи устъ своихъ, при каждомъ біеніи сердца!

Что суть четыре стихіи? Какой малый театрѣ для изображенія дѣяній *Еговы*, Коего благость и щедрота безконечно велика! Когда человѣкѣ видитѣ милліоны міровѣ, возвышающихся одинѣ надѣ другимѣ даже до безконечности, что можетѣ онѣ изрещи тогда?„ „Не для меня ли Богѣ восхотѣлѣ „истощить намѣренія свои? „Подлинно! Творецѣ восхотѣлѣ и сотворилѣ все сколько для Своея славы, столько для сообщенія тварямѣ неизчерпаемаго Своего благотворенія. Богѣ не имѣлѣ нужды вѣ надеждѣ: блаженство Его безконечно. Ничто не можетѣ ниже уменшить Его, ниже увеличить, ниже поколебать, ниже утвердить. Прежде, нежели по мановенію Его родились время и вселенная, Онѣ былѣ уже преблаженѣ, Самѣ Собою наполняя безконечность бытія Своего, неиз-

мѣримая вселенная была, такъ сказать, игрою воли Его. Онъ населилъ ее для того, чтобъ излить въ сердца обитателей ея неизяснимыя чувствованія Своей *благости*. Всѣ сіи міры, которыхъ не можетъ обозрѣть и исчислить самое сильное и живое воображеніе смертныхъ, суть неизмѣримыя вмѣстилища чистѣйшихъ источниковъ небесныя радости.

Естьли *благость Божія* не сообщаетъ намъ чего по закону естественному и по правиламъ всеобщаго Провидѣнія; то съ какимъ преимуществомъ вознаграждаетъ она недостатокъ тѣхъ благодѣяній въ великомъ дѣлѣ *Искупленія*. Сія тайна есть самое вѣрное зерцало вышнія къ намъ любви Создателя. Другіе дары Его суть убѣдительные признаки славы Его; но *Искупленіе* открываетъ намъ всѣ

источники милосердія Его и благости.

Чистѣйшій Ангеловъ, — Всесильный пришелъ принести себя на жертву, на жертву за человѣковъ. Онъ сошелъ съ небеснаго трона, пренебрегъ благоговѣйныя жертвы Серафимовъ; для чего? Чтобъ подвергнуться поношеніямъ и ударамъ сердецъ ослѣпленныхъ, ожесточенныхъ. Его заключаютъ въ оковы, — влекутъ изъ судилища въ судилище, — тысяча мученій предшествуютъ смерти Его. Грядетъ невинность на заколеніе. Ветхій деньми глаголетъ: „Поспѣши, Возлюбленный! поспѣ„ши совершить жалость мою о „чадѣхъ погибельныхъ. „ Омывается острый мечь въ крови Безсмертнаго: но тѣмъ удовлетворяется раздраженное Правосудіе. Сынъ претерпѣваетъ ужасы смерти, а всѣ

люди спасаются. Непостижимая любовь! утѣшительное таинство душъ нещастныхъ! Ты всегда будешь и отрадою среди всѣхъ моихъ бѣдствій и короною *Благодати*.

XII.

Чистота Божія.

Сколь воздухъ чистъ! сколь спокойно небо! оно, будучи гораздо яснѣе, нежели сей тихо-текущій источникъ, и представляяся гораздо блистательнѣе и глаже, нежели хрусталь, изображаетъ лазурный покровъ, украшенный огненными струями, и протяженіемъ своимъ покрываетъ милліоны міровъ. Какая величественная и плѣнительная манифактура! какая рука держитъ сей великолѣпный

балдахинъ, повѣшенный надъ вселенною?

Сія ли твердь не можетъ сообщить намъ понятія о *Божественной чистотѣ*? О Пресвятый! прости дерзновеніе рабу Твоему, возводящему съ тѣмъ на дѣянія Твои взоры свои, чтобъ постигать изъ нихъ невидимыя совершенства Твои! Твердь небесная спокойна и Твое мановеніе тихо; солнце ясно, и Твои свойства Святы; благолѣпенъ свѣтъ и Твое величіе препрославленно. Но такъ ли мы постигнемъ *чистоту* совершенствъ и дѣяній Твоихъ, когда удостоимся видѣть Тебя лицемъ къ Лицу! Чѣмъ мы можемъ заслужить сіе; чѣмъ развѣ единою *чистотою* мыслей, намѣреній и предпріятій? . . .

XIII.

Милосердіе Божіе.

Милосердіе Божіе обширнѣе, нежели вселенная и небеса. Занимательная мысль, пріятное размышленіе не протекайте скоро, дайте мнѣ насладиться всемъ восторгомъ, которой вы вливаете въ сердце мое! .... О когда бы я могъ успокоить душу свою въ неизмѣримости сего Божественнаго свойства, и съ пользою присоединить къ согласію прочихъ неописанныхъ совершенствъ *Великаго Бога*!

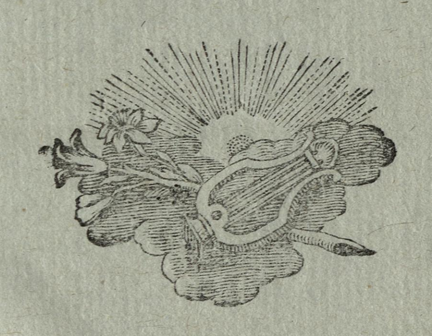
Съ какою живостію и въ какой разительной картинѣ изображено сіе свойство Преблагаго Отца въ притчѣ блуднаго сына! Что увлекаетъ безразсуднаго юношу сего далеко отъ дому родительскаго? Не былъ ли онъ свидѣтелемъ нѣжныя родительскія любови? Не уча-

ствовалЪ ли вЪ великихЪ его благодѣяніяхЪ? Все сіе видѣлЪ; но, предавшись вЪ развратной жизни своей стремленію страстей, онЪ позабылЪ должность свою, позабылЪ чувство благодарности. Вдается нещастный во всѣ распутства и пороки, ведетЪ жизнь для родителя своего безчестную, для себя самого пагубную. Когда нужда, а не угрызенія совѣсти, принудила его сЪ униженіемЪ и покорностію возвратиться; тогда огорченный отецЪ затворилЪ ли врата дому своего? ПоказалЪ ли хотя малѣйшее негодованіе? Отеческія очи на что болѣе взирали, на бѣдность его, или распутство? Сколько ни досадилЪ неопытный юноша, но сЪ той самой минуты, какЪ скоро раскаялся вЪ порокахЪ своихЪ сердобольный отецЪ прощаетЪ его; нѣжное сердце тронулось, безчетныя огор-

ченія и дерзкое удаленіе ослушника позабыты . . . . Отеческая любовь не чувствуетъ прежнихъ оскорбленій. Сынъ возвращается, отецъ пріемлетъ его въ объятія свои; сынъ течетъ въ боязни тихо и медлительно, отецъ напротивъ бѣжитъ къ нему съ радостію, и бросившись на выю его, прижимаетъ къ груди своей. Вмѣсто того, чтобъ укорять виновника въ расточительности, охуждать упрямое своевольство его, Отецъ изъявляетъ снисходительное лобзаніе, веселится о возвращеніи его такъ, какъ онъ радовался въ день его рожденія. Нещастный сынъ отверзаетъ уста, и прежде нежели произнесъ одно слово, отецъ уже его понялъ, и не медля увѣрить его въ своемъ великодушіи прежнюю любовь свою доказать, спѣшилъ ему всѣми возможными знаками: перстнемъ,

пиршествомъ, радостными лобзаньми. Какое поразительное изображеніе Небеснаго *Милосердія*, щедро изливаемаго на недостойную тварь, — на виновныхъ грѣшниковъ. Душа моя! тако Господь пріемлетъ всѣхъ оскорбившихъ Его, естьли мы, почувствовавъ бѣдствіе свое, возвратимся къ Нему съ сердцемъ смиреннымъ и раскаяннымъ.

Конецъ второй Части.

пи ... ванъ-
ми ... аже-
ніе ... едро
из. ... рь, –
на ... Душа
мо ... сѣхъ
ос ... , по-
чу ... звра-
ти ... сми-
ре